

УДК 93; 281.93
DOI 10.52452/19931778_2024_2_40

ЕПИСКОП ВЕНИАМИН (ПУЦЕК-ГРИГОРОВИЧ) И ДУХОВНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ В НИЖЕГОРОДСКОЙ ЕПАРХИИ В 1748–1753 гг.

© 2024 г.

М.А. Дингес

Институт российской истории РАН, Москва
Центральный архив Нижегородской области, Н. Новгород

dingesm@mail.ru

Поступила в редакцию 09.08.2023

Статья посвящена истории развития духовного образования Нижегородской епархии при епископе Вениамине (Пуцек-Григоровиче) в 1748–1753 гг. Исследование базируется на комплексе документов из фондов ЦАНО, впервые вводимых в научный оборот. Показаны принятые епископом меры по изысканию источников содержания духовных школ епархии. В работе делается вывод о серьезном улучшении материального и финансового положения семинарии в Нижнем Новгороде в указанный хронологический период. Прослежены мероприятия по повышению образовательного уровня приходского духовенства. Впервые на постоянной основе началось обучение в семинарии детей «новокрещен».

Ключевые слова: история Русской православной церкви, Нижегородская епархия, епископ Вениамин (Пуцек-Григорович), Нижегородская духовная семинария, Нижегородская духовная консистория, история духовного образования.

Личность владыки Вениамина (Пуцек-Григоровича) (ок. 1700–1785) уже неоднократно обращала на себя внимание исследователей. Епископ последовательно возглавлял Нижегородскую и Казанскую епархии, являлся одним из руководителей Св. Синода. В исторической памяти Вениамин известен благодаря своей миссионерской деятельности среди народов Поволжья. При нем были сделаны первые переводы Священного Писания на татарский, марийский, чувашский языки, создана грамматика чувашского языка. Не забыто и его мужественное поведение во время осады Казани войсками Е.И. Пугачева, несправедливые обвинения в предательстве и их разоблачение [1–5; 6, с. 93–96].

Одновременно следует отметить, что деятельность Вениамина в качестве руководителя Нижегородской епархии остается малоизученной, хотя современные исследователи и касались частично этих сюжетов. А.В. Морохин рассмотрел изменение политики по отношению к старообрядцам [7; 8, с. 145–146], И.Х. Стрелкова – деятельность по христианизации народов Поволжья [9], А.В. Бодрин – проблемы взаимоотношений и конфликтов духовных и светских властей [10]. Одним из фактически не изученных аспектов деятельности Вениамина являются его инициативы по развитию духовного образования в Нижегородской епархии. В «Историческом очерке Нижегородской семинарии» Макария (Миролюбова) лишь упоминается расширение территории и введение при Вениамине преподавания греческого языка [11]. Насколько подробнее о деятельности владыки

говорится в «Истории Нижегородской епархии»: здесь Макарий (Миролюбов) характеризовал епископа как покровителя духовного просвещения в епархии, при котором была создана прочная основа финансового благополучия семинарии, появилась традиция поздравительных речей преподавателей в торжественные дни [12]. Важное значение имеет работа историка А.Ф. Можаровского, посвященная истории Нижегородской семинарии. Приводя обширные цитаты из документов семинарского архива, он показал целый ряд мероприятий епископа, направленных на укрепление материального положения семинарии [13]. А.И. Тихов упоминает Вениамина в качестве «хорошего хозяина-практика, который сумел улучшить материальное и внешнее положение семинарии» [14, с. 10]. В современных работах по истории Нижегородской семинарии деятельности епископа Вениамина не было уделено большого внимания [15, с. 23–25; 16, с. 20–21].

Изучение развития духовного образования в этот период, введение в научный оборот новых источников по данной теме необходимо для создания целостной картины истории Нижегородской епархии первой половины XVIII в. Данная работа претендует на то, чтобы в некоторой степени восполнить этот пробел. Следует, впрочем, отметить, что до нас дошла лишь малая часть архива Нижегородской семинарии и только за более поздний период: в соответствующем фонде Центрального архива Нижегородской области (ЦАНО) хранится всего 146 дел, самое раннее из них – за 1798 г. Предположи-

тельно, семинарский архив погиб при разграблении в первой половине 1920 г., о чем косвенно свидетельствуют документы Нижегородского губернского управления архивным делом (НГУАД) [17, л. 322 об., 415; 18, с. 30, 52]. К счастью, документы архива семинарии использовали в своих трудах Макарий (Миролюбов) и особенно А.Ф. Можаровский, который приводил обширные цитаты из документов, опубликовав некоторые почти целиком. Их работы, таким образом, приобрели для нас характер источников.

Важные сведения по истории семинарии за этот период имеются в документах архивного фонда Нижегородской духовной консистории. Наиболее информативны протоколы консистории, но они сохранились за этот период лишь частично: за январь и март 1748 г., январь, март, ноябрь, декабрь 1750 г., начало 1751 г., январь и февраль 1752 г. За 1753 г. протоколы начинаются с марта, когда Вениамин уже был определен епископом в Тверь. Указы консистории имеются за 1748 и 1749 гг. Пробелы в сохранности протоколов и указов консистории помогают преодолеть реестры входящих и исходящих документов, в которых нередко указывается принятое по данному вопросу решение. Они сохранились за 1748 и 1749 гг., за 1750 г. сохранился реестр протоколов консистории до октября включительно. Также был задействован архивный фонд Оранского Богородицкого монастыря, в котором сохранилось несколько указов консистории за рассматриваемый период.

Вениамин был хиротонисан во епископа Нижегородского и Алатырского 14 августа 1748 г. в Петропавловском соборе в Санкт-Петербурге. В Нижнем Новгороде о поставлении нового епископа было объявлено на торжественной службе в Спасо-Преображенском соборе 30 августа, для информирования епархии были направлены указы в духовные правления [19, л. 33–33 об.]. К этому моменту Нижегородская семинария прошла большой путь. Духовные школы в Нижнем Новгороде были открыты в 1721 г. при архиепископе Питириме: эллино-греческая, славяно-российская и подготовительная «букварная». В 1726 г. «букварная» школа была упразднена, обязанность учить детей читать и писать была возложена на родителей. В 1738 г. была учреждена славяно-латинская школа, что позволило духовным школам в Нижнем Новгороде получить наименование семинарии. Также при Питириме была создана сеть духовных школ в епархии: в 1730 г. была открыта духовная школа в Юрьевце-Поволжском, в 1738 г. – еще 13 школ в пятинах епархии. При Иоанне (Дубинском) в семинарии было отменено преподавание греческого

языка (его по-прежнему учили в начальных школах). Указом епископа Димитрия (Сеченова) за 1743 г. была создана семинарская контора и учреждена должность префекта, в 1745 г. открыт риторический класс, а для способных студентов преподавалась философия (без открытия особого класса). В 1743 г. для семинарии, помещавшейся ранее в трех деревянных ветхих домах, было приобретено обширное каменное здание [13, с. 16–102; 20, с. 193–223].

Документы свидетельствуют, что уже с первых месяцев своего пребывания в Нижнем Новгороде епископ Вениамин начал заниматься проблемами семинарии. Как и в других епархиях, здесь очень остро стояла проблема набора студентов: приходское духовенство вовсе не желало отдавать своих детей в обременительную учебу. Для набора учеников местные духовные власти должны были вести учет детей священников и церковнослужителей, направлять их на смотры и учебу, разыскивать их при побегах и невозвращении с каникул. За укрывательство детей на отцов налагались штрафы, в Нижегородской епархии они ранжировались в соответствии со статусом родителя. Хотя правители духовных дел и должны были за лето 1748 г. изучить вопрос о положении детей духовенства – кто скрывается от учебы, кого нужно направить на экзамен к епископу в Нижний Новгород, – но указание не было выполнено: «в славено-латинской школе с 1 сентября учеников крайне малое число, в учении воспоследует крайняя остановка». В указе Павловскому духовному правлению от 28 октября 1748 г. слышен гневный голос епископа: «А по прибытии Ево Преосвященства яко новому архипастырю не без сумнения быть имеет от чего показанной конторе, а паче тебе, правителю, за слабое смотрение и не высылку тех беглых студентов и отцев их не понести безвинно ответа и штрафования» [19, л. 46–47]. К указу приложен реестр беглых студентов, напротив большей части имен стоят крестики, означающие, видимо, поминку и доставление беглеца от учебы в семинарскую контору [19, л. 48–48 об.].

К началу правления епископа Вениамина не был решен вопрос о финансировании семинарии: по Духовному Регламенту, на содержание духовных школ должны были отдавать 1/20 хлеба «знатные», т.е. обладающие богатыми вотчинами, монастыри епархии. В Нижегородской епархии был лишь один знатный монастырь – Печерский, но весь его хлебный доход «за братским расходом» направлялся в Москву. Другие два знатные монастыря – Благовещенский и Дудин – подчинялись непосредственно Св. Синоду. Питирим и последующие архиереи

содержали семинарию за свой счет, при этом дети обучались только «своим коштом», т.е. на средства родителей [13, с. 28–29; 20, с. 198]. Попытки улучшить материальное положение семинарии предпринимал епископ Иоанн (Дубинский). Несмотря на малоземельность монастырей Нижегородской епархии, он начал требовать с них 1/20 хлебных доходов, которые поступали, хотя и с большими «утайками» [13, с. 85]. В 1740 г. епископ Иоанн (Дубинский) получил согласие Св. Синода на получение 1/20 части хлебных доходов от Благовещенского и Дудина монастыря, но из Коллегии экономии не направили указы в монастыри, в результате выплат так и не последовало. Не удалось получить их и Димитрию (Сеченову) [13, с. 84]. Но он был настойчивее в сборах с епархиальных монастырей: при нем стали строже спрашивать с монастырей 1/20 хлебных доходов, были переведены на денежный сбор по числу дворов приходские церкви. Тем не менее, поскольку основная часть монастырей не имела больших вотчин, а приходские церкви и вовсе были бедны, сборы составляли всего около 200 р., что не могло удовлетворить всех нужд семинарии [13, с. 92–93]. К концу 1740-х гг., по доношению Вениамина в Св. Синод, «...в пропитании учеников... обстояла крайняя нужда» [21, с. 152].

17 ноября 1749 г. Благовещенский и Дудин монастыри, находившиеся до этого в ведении Св. Синода, были переданы в состав Нижегородской епархии, хотя управление вотчинами осталось в ведении Синодального экономического правления [22, л. 1–2 об.]. 17 июля 1751 г. последовало определение Св. Синода о том, что вышеуказанные монастыри должны отдавать 1/20 часть своих хлебных доходов на содержание Нижегородской семинарии, «...ибо сии монастыри, по числу имеющих в них крестьян, не незнатные, состоят в Нижегородской епархии и Духовным регламентом с знатнейших монастырей в епархиях двадцатую часть хлеба брать точно повелевается» [21, с. 155].

Сбор хлеба поначалу не обошелся без конфликта с представителями Канцелярии синодального экономического правления, в ведении которых оставались вотчины Благовещенского и Дудина монастырей. В августе 1751 г. в Дудин монастырь для изъятия 1/20 части наличного хлеба был направлен иерей Спасского собора Петр Иванов с капралом, но они не были допущены до житниц управителем монастыря подпоручиком Петром Владимировым. Тогда епископ Вениамин, в отсутствие управителя, лично явился в монастырь и приказал бывшему с ним Петру Иванову отмерить необходимое количество хлеба, которое опечатал игумен Ларион.

Также Вениамин осмотрел бумаги приказной избы и забрал себе расходные записные книги. На эти действия была подана жалоба в Св. Синод из Канцелярии синодального экономического правления, в которой указывалось, что епископ хочет также направить своего человека «к казенному хлебопашеству» монастыря, которое оставалось в ведении Канцелярии [21, с. 155]. Но Св. Синод встал на сторону епископа: «для лучшего порядка в вотчинном правлении и починки в монастыре ветхостей» подпоручику Петру Владимирову было велено передать дела по управлению монастырской вотчиной назначенному нижегородским владыкой лицу [21, с. 156].

Также при епископе Вениамине продолжались сборы и с епархиальных монастырей. Так, по указу архимандриту Оранского Богородицкого монастыря от 20 апреля 1749 г. плата должны была вноситься не хлебом, а деньгами [23, л. 256], что было для того времени большой редкостью [24, с. 227]. В 1751 г. в обители был получен грозный указ из семинарской канторы консистории о необходимости направить платеж за предыдущий год: «...и за то ты архимандрит взят будешь в Нижней Нов Город в реченную семинарскую кантору к ответом и достойному по силе указов штрафованием без упущения» [23, л. 262–262 об.]. С приходского духовенства по-прежнему собирали не 1/30 хлебов, а по 1 копейке со двора, о чем свидетельствует указ правителю духовных дел Павловской пятины от 20 апреля 1749 г. доставить собранную сумму в семинарскую кантору не позднее 15 мая, «под опасением за не скорое на оной срок собрание указного штрафа со истязанием» [25, л. 17].

В 1751 г. Вениамин направил доношение в Св. Синод о необходимости закрепления за семинарией вотчины Крестомаровской пустыни: «За малым числом братии и за неимением у пустыни собственных крестьян — земли пустыньские во множестве лежат впусе не оранные [непаханные], а травы гниют не кошенные, между тем Епархиальная Его Преосвященства (нашего смирения) Семинария терпит немалые недостатки, понеже сборные деньги идут на пропитание семинаристов, на покупку хлеба и припасов, на жалованье учителям, на содержание дома Семинарии и на покупку земель, дворов, к построению той Семинарии потребных и на самое строение и на достальные расходы». Согласие было получено, с лета 1751 г. Крестомаровская пустынь стала «приписной» к семинарии, к работам на ее земле были привлечены крестьяне Казанского мужского и Рождественского девичьего монастырей в с. Лысково [13, с. 106–107].

В итоге следует признать, что в результате деятельности Вениамина у семинарии не только не стало недостатка в деньгах, но даже появился излишек: за 1750 г. – 991 р. 89¼ к. [12, с. 136]. Решение финансовых вопросов, связанных с содержанием семинарии, характеризует владыку как талантливого и энергичного организатора, который смог справиться с проблемой, решить которую не удавалось ни одному из его предшественников по управлению Нижегородской епархией с конца 1730-х гг.

Кроме забот о доходах, Вениамин следил и за отсутствием неправомερных поборов с семинарии со стороны светских властей. Так, обнаружилось, что семинария до 1749 г. платила оброчные деньги (1 р. в год) за несуществующую баню, которая находилась при доме купца И.И. Пушникова, перестроенного под семинарию [26, л. 9]. После обращения в Нижегородскую губернскую канцелярию оброк был с семинарии снят. Правда, епископ в отношении указывал, что с семинарии в любом случае не следует брать оброк за баню: «...понеже сей дом обстоит в содержании на казенном же реченных Семинарии коште, с коего оброчных за баню денег быть не надлежит, да и бани в том доме не имеется...» [13, с. 108], но чиновники исходили только из ее фактического отсутствия: когда в том же 1749 г. у посадского Ивана Сиротина было куплено место с баней, «пригодной для семинаристов», то она была обложена рублевым оброком [13, с. 108].

Отдельное каменное здание семинария получила еще в 1743 г. при епископе Димитрии (Сеченове). Но принадлежавший семинарии участок представлял собой «криволоманую фигуру, с разными поворотами направо, налево, наискось и обратно, вкруте и некруте», в которую «врезывались владения частных лиц, занятые садами или дворами, пустые или с ветхими деревянными строениями». В 1749 г. были выкуплены 4 соседних участка соответственно за 90, 20, 70, 200 р. (всего 380 р.). Территория увеличилась на 37 сажень в длину и 58 в ширину, теперь она образовывала правильный четырехугольник. Имеющиеся на купленных участках строения были перестроены под нужды семинарии [13, с. 104–105]. Также для семинарии закупались ладьи, барки и другие необходимые для хозяйства вещи: сведения об этих покупках имелись в не дошедших до нас расходных книгах семинарии [12, с. 136].

Вениамин возобновил практику ежегодного личного смотра детей духовенства для отбора наиболее способных в семинарию. Проблемы возникли с присоединенными землями Саранской пятины: из-за далекого расстояния и

больших трат на пребывание в Нижнем Новгороде местное духовенство крайне неохотно направляло детей на смотры. 13 сентября Саранское духовное правление даже подало в Нижегородскую консисторию прошение о создании в Саранске своей семинарии, ссылаясь на дальность пути, дороговизну содержания в Нижнем Новгороде учащихся сыновей и «помешательство в земледельной работе» в летнее время [13, с. 114].

Вениамин в этом отказал, поскольку создание семинарии в «отдаленном от епархиального города месте» противоречило Духовному Регламенту и указам Св. Синода, к тому же ее содержание местному духовенству было явно не по карману. Епископ велел направить в Нижний Новгород для экзамена детей местного духовенства, сделав исключение только для сирот, о которых из Саранска должны были прислать отдельный перечень [13, с. 114–115].

Жизнь нижегородских семинаристов, как и в других епархиях, была настолько тяжела, что некоторые предпочитали такой учебе пытки в Тайной канцелярии и тяготы военной службы. Во многих семинариях побегии носили массовый характер [24, с. 372]. Оторванность от привычной сельской жизни, система жестоких наказаний как главный педагогический прием, грубые нравы в отношениях между студентами делали для многих учебу в семинарии невыносимой [24, с. 390–400]. В инструкции Питирима духовным школам в качестве наказаний перечислялись кандалы, шелепы, плети, причем учителя подлежали «равномерному наказанию, как и об учениках показано» [24, с. 409]. Латинскую грамматику учили по учебнику Эммануила Альвара, который был весьма тяжел даже для людей, достаточно знакомых с латынью [24, с. 437]. В результате некоторые студенты по много лет оставались в младших классах, не имея никакого желания учиться и желая лишь побыстрее получить место в церковном причте. Не способствовала любви к учебе и определенная культурная чуждость преподавателей, состоявших в значительной степени из малороссов.

Так, в октябре 1748 г., с разницей в несколько дней, двое студентов, пойманных другими учениками при побеге, кричали «Слово и дело», после чего их направили для следствия в Нижегородскую губернскую канцелярию [28, л. 117 об., 126]. Одного вскоре выпустили, наказав плетью. Впрочем, для него, вероятно, настоящим наказанием было определение епископа: «отдать вновь в учебу» [28, л. 127]. Другого направили в Москву, в Тайную канцелярию. Оттуда он через месяц вернулся с промеморией – бить плетью и «определить куды надлежит по-

прежнему». Но тут уже кончилось терпение у епископа: по его резолюции и, возможно, к радости бывшего семинариста, его направили обратно в губернскую канцелярию для определения в военную службу, «понеже за непонятие ко учению и за замозбротство и за частые побегии быть неспособен» [28, л. 163 об.]. Как писал П.В. Знаменский, «исключение для многих учеников было вовсе не наказанием, а напротив особенным счастьем, которого они усиленно добивались; они и бегали из семинарии именно от того, что не могли добиться законного от нее увольнения... Как ни страшна была тогда тайная канцелярия, но подобных примеров, когда ученики употребляли ее в качестве мытарства для выхода из школ чрез сказывание «слова и дела», встречается не мало в истории как владимирской, так и других семинарий; о нещадном наказании плетью за ложное произношение указанных слов рассуждали, что хотя оно и очень больно, но по крайней мере за раз можно отперпеться от частных и несносных мучительств семинарских» [24, с. 384–386].

Что касается конкретных особенностей преподавания в Нижегородской семинарии в этот период, то об этом практически не имеется сведений. Известно лишь, что при епископе Вениамине было восстановлено преподавание в семинарии греческого языка, отмененное при Иоанне (Дубинском) [13, с. 110]. Высшим классом по-прежнему оставалась риторика. При епископе Вениамине были введены поздравительные речи преподавателей семинарии в торжественные дни. Макарий (Мирослюбов) приводит выдержку из расходной книги семинарии от 30 марта 1749 г.: «По приказу Его Преосвященства дано в награду за сказывание Его Преосвященству в праздник Воскресения Христова поздравительных ораций домовою Его Преосвященства Семинарии учителем, а именно: школ риторики и пиитики Павлу Канарскому 1 р., синтаксисы и грамматики Матфею Люминарскому 1 р., инфимы и аналогии Андрею Анатовскому 1 р., начал аналогии Матфею Дроздовскому рубль же» [12, с. 136].

При Вениамине впервые начали на постоянной основе обучать в семинарии детей «новокрещен»: 12 января 1751 г. он повелел начать обучать в семинарии по три человека от чувашей, мордвы, черемисов (марийцев) и татар «российской грамоте и скорописному» письму [27, л. 15–15 об.]. Сведения о привлечении в семинарию детей «новокрещен» имеются и за период деятельности Димитрия (Сеченова) [13, с. 101], но теперь оно приобрело упорядоченный и систематический характер. Таким образом, проблема просвещения народов Повол-

жья занимала Вениамина уже в Нижнем Новгороде, хотя в полной мере реализовать свои замыслы он смог уже будучи епископом Казанским и Свияжским. Указ о ежегодном наборе в семинарию по три представителя от каждого народа Поволжья для обучения российской грамоте действовал и при Феофане (Чарнуцком) [14, с. 12].

Характеризует епископа и подписанный им на следующий день указ об устройстве при Макарьевском Желтоводском монастыре обедневшего «новокрещена», чуваша Семена Иванова Венезерова с сыном. Он принял христианство около 20 лет назад (т.е. еще до масштабной христианизации при епископе Димитрии), работал по найму в «старорусских» селах, но теперь состарился, ослеп и остался без куска хлеба: его землю в родном селе захватили соседи и теперь ему было нечем платить подушную подать. Епископ приказал принять Венезерова в Макарьевский монастырь для наставления и последующего принятия монашества, а его 11-летнего сына обучать там грамоте. Для выключения «новокрещена» из подушного оклада была направлена промемория в Курмышскую воеводскую канцелярию [27, л. 17–17 об.].

Об отношении Вениамина к своим пастырским обязанностям говорит тот факт, что приходящим в консисторию по разным делам священникам он устраивал небольшой экзамен, чтобы проверить их образовательный уровень. Проверять знания действующих священников велел указ Св. Синода за 1742 г., изданный после рассылки по епархиям печатных катехизисов [24, л. 318]. Требования были не слишком высоки: знание Символа веры, десятисловия (десяти заповедей) и молитвы Господней (Отче наш), в идеале – с небольшим комментарием. Общие результаты таких проверок оказались удручающими: «не токмо сельския, но и градския священники десятисловия с толкованием, но и без толкования просто сказать не знают. А некоторые службы Божия по церковному чинположению исправно отправить не могут, а понеже в прошлых разных годах по указом из Святейшаго правительствующаго синода многократными от кансистерии указами всех градских и сельских церквей священно- и церковнослужителей подтверждено и подписками обязаны, чтоб оное десятисловие, також символ веры и отче наш и протчее с толкованием изустно и памятно затвердили и детей своих тому ж обучали, чего для и печатныя книжицы, буквари и катихисисы именуемая во всем церквам розсланы. Из чего видно, что оныя многих священно и церковно служителей яко сущия невежды и остаются, которыя не точию народ ко спасительному пути по должности звания своего

наставить и благочестию обучать не могут, но и сами того исправно не разумеют, от чего не ино что следовать может, как слепцу слепца водящего адская яма». Указом епископа от 17 января 1749 г. духовным правителям было велено усилить контроль над образовательным уровнем приходского духовенства, следить, чтобы в свободное время они читали буквари, катехизисы, учили своих детей [25, л. 7–7 об.].

Заметим, что низкий образовательный уровень духовенства был в целом характерен для России той эпохи, это не было отличительной чертой Нижегородской епархии. Архиепископ Московский и Севский Платон (Малиновский) жаловался, что многие священники его епархии не знают даже букваря: «Понеже по правилам св. отец священникам вышеписанное учение не точию самим должно знать, но и паствы своия людей еженедельно оному обучать: но каким образом им обучать тому, чему они сами ничего не умеют? Что чинят они совсем бессовестно, не страшась суда Божия» [29, с. 64–66]. В Сибири же оказалось, что половина священников не в состоянии подписать присягу императрице Анне Иоанновне [13, с. 314].

В целом епископа Вениамина можно охарактеризовать как энергичного деятеля и покровителя церковного просвещения. Во многом он продолжил политику своих предшественников, уделявших большое внимание развитию духовного образования в епархии. Благодаря их стараниям и отсутствию длительных перерывов между архиерействами была обеспечена преемственность развития духовного образования в Нижегородской семинарии, она не знала периодов упадка и закрытия, как это нередко бывало в других епархиях.

Конечно, епископ Вениамин не успел оставить такой значимый след в истории Нижегородской епархии, как Питирим или Дамаскин (Руднев). Но это связано лишь с кратким сроком его пребывания на нижегородской кафедре. Именно в этот период окрепло материальное и финансовое положение семинарии. Дела, связанные со сбором платежей на семинарию, находились под личным контролем епископа. В текстах некоторых указов, посвященных решению проблем духовного просвещения в епархии, явно отразилась личность епископа Вениамина. Через них мы можем услышать голос человека, который важнейшей своей задачей видел преодоление векового невежества русского приходского духовенства.

Список литературы

1. Архангельский М., свящ. Преосвященный Вениамин, митрополит Казанский и Свияжский // Странник. 1866. Янв. С. 5–59.

2. Гурий [Степанов], иеромонах. Преосвященный Вениамин (Пуцек-Григорович), митрополит Казанский и Свияжский. Казань, 1906. 34 с.

3. Знаменский П.В. Сто лет тому назад // Православный собеседник. 1874. Ч. 2. С. 89–99.

4. Харлампович К.В. Материалы для истории Казанской духовной семинарии в XVIII в. Казань, 1903. 214 с.

5. Харлампович К.В. Казанские новокрещенные школы: к истории христианизации инородцев Казанской епархии в XVIII в. Казань, 1905. 91 с.

6. Православная энциклопедия. Т. 15. М., 2007. 752 с.

7. Морохин А.В. Взаимоотношения старообрядчества и Русской Православной Церкви в Нижегородской епархии: Дис. ... канд. ист. наук. Нижний Новгород, 2005. 201 с.

8. Морохин А.В. Нижегородское старообрядчество в 40–50-е гг. 18 века // «Рождение мое за Кудьюмою рекою...»: Материалы Третьих Аввакумовских чтений. Нижний Новгород, 2010. С. 25–36.

9. Стрелкова И.Х. Итоги деятельности Новокрещенской конторы на территории Нижегородской губернии (1740–1764 гг.) на примере татар и мордвы // Фаизхановские чтения: Материалы IV научно-практической конференции. Казань, 2008. С. 57–60.

10. Бодрин А.В. Проблемы взаимоотношений государства и церкви в сфере политических отношений в правление Елизаветы Петровны (на материалах Нижегородской епархии) // В поисках нового: Европа и Россия в современной отечественной историографии (к 75-летию профессора Е.В. Кузнецова): Межвузовский сборник научных трудов. Арзамас, 2007. С. 248–252.

11. Макарий (Миролюбов). Исторический очерк Нижегородской семинарии // Нижегородские епархиальные ведомости. 1866. № 23. С. 876, 882.

12. Макарий (Миролюбов). История Нижегородской иерархии // Памятники церковных древностей. Нижний Новгород, 1999. С. 17–242.

13. Можаровский А.Ф. Нижегородская семинария за первый период существования (1721–1765). Нижний Новгород, 1896. 141 с.

14. Тихов А. Краткая памятная записка Нижегородской духовной семинарии. Нижний Новгород, 1905. 81 с.

15. Нижегородская семинария. Вехи истории. Нижний Новгород, 2010. 432 с.

16. Дьяконов А.В., Плаксин В.А., Лазарь (Белянин), иером. Нижегородская духовная семинария. Первый период существования (1721–1918 гг.) // Труды Нижегородской духовной семинарии. Сборник работ преподавателей и студентов. Вып. 19. Н. Новгород, 2021. С. 7–102.

17. Центральный архив Нижегородской области (ЦАНО). Ф. Р-1004. Оп. 1. Д. 12.

18. Хранители документальной памяти. Нижегородская архивная служба в 1919–1938 гг. Нижний Новгород, 2009. 340 с.

19. ЦАНО. Ф. 570. Оп. 553. 1748 г. Д. 5.

20. Морохин А.В. Архиепископ Нижегородский и Алатырский Питирим. Церковный деятель эпохи перемен. Нижний Новгород, 2009. 272 с.

21. Описание документов и дел, хранящихся в архиве Святейшего Правительствующего Синода. Т. 31. СПб., 1909. 806 с.
22. ЦАНО. Ф. 570. Оп. 553. 1749 г. Д. 41.
23. ЦАНО. Ф. 588. Оп. 1. Д. 1.
24. Знаменский П.В. Духовные школы в России до реформы 1808 года. Казань, 1881. 807 с.
25. ЦАНО. Ф. 570. Оп. 553. 1749 г. Д. 30.
26. ЦАНО. Ф. 570. Оп. 553. 1749 г. Д. 542.
27. ЦАНО. Ф. 570. Оп. 554. 1751 г. Д. 1.
28. ЦАНО. Ф. 570. Оп. 553. 1748 г. Д. 29.
29. Розанов Н.П. История московского епархиального управления со времени учреждения Св. Синода (1721–1821). Ч. 2. Кн. 1. М., 1869. 199 с.

**BISHOP VENIAMIN (PUTSEK-GRIGOROVICH)
AND SPIRITUAL EDUCATION IN NIZHNY NOVGOROD EPARCHY IN 1748–1753**

M.A. Dinges

The article is devoted to the history of the development of spiritual education of Nizhny Novgorod eparchy under bishop Veniamin (Putsek-Grigorovich) in 1748–1753. The study is based on a set of documents from the funds of the Central Archive of Nizhny Novgorod Oblast, first introduced into scientific circulation. It shows the measures taken by the bishop to find sources for the maintenance of spiritual schools of the eparchy. The paper concludes that the material and financial situation of the seminary in Nizhny Novgorod in the mentioned chronological period has seriously improved. Measures to improve the educational level of the parish clergy are traced. For the first time on a permanent basis began training in the seminary children «newly baptized».

Keywords: history of Russian Orthodox Church, Nizhny Novgorod eparchy, bishop Veniamin (Putsek-Grigorovich), Nizhny Novgorod spiritual seminary, Nizhny Novgorod spiritual consistory, history of spiritual education.

References

1. Arhangel'skij M., priest. His Grace Veniamin, Metropolitan of Kazan and Sviyazhsk // Wanderer. 1866. Jan. P. 5–59.
2. Guriy [Stepanov], priestmonk. His Grace Veniamin (Putsek-Grigorovich), Metropolitan of Kazan and Sviyazhsk. Kazan, 1906. 34 p.
3. Znamensky P.V. A hundred years ago // The Orthodox interlocutor. 1874. Part 2. P. 89–99.
4. Kharlampovich K.V. Materials for the history of the Kazan Theological Seminary in the XVIII century. Kazan, 1903. 214 p.
5. Kharlampovich K.V. Kazan newly baptized schools: on the history of Christianization of foreigners of the Kazan diocese in the XVIII century. Kazan, 1905. 91 p.
6. Orthodox Encyclopedia. Vol. 15. M., 2007. 752 p.
7. Morokhin A.V. The relationship between the Old Believers and the Russian Orthodox Church in the Nizhny Novgorod diocese: Dis. ... candidate of Historical Sciences. Nizhny Novgorod, 2005. 201 p.
8. Morokhin A.V. Nizhny Novgorod Old Believers in the 40–50s of the 18th century // « My birth is beyond the Kudma River ...»: Materials of the Third Avvakum readings. Nizhny Novgorod, 2010. P. 25–36.
9. Strelkova I.H. The results of the activities of the Novokreschenskaya office on the territory of the Nizhny Novgorod province (1740–1764) on the example of Tatars and Mordovians // Faizkhanov readings: Materials of the IV scientific and practical conference. Kazan, 2008. P. 57–60.
10. Bodrin A.V. Problems of the relationship between the state and the church in the field of political relations during the reign of Elizabeth Petrovna (on the materials of the Nizhny Novgorod diocese) // In search of something new: Europe and Russia in modern Russian historiography (on the 75th anniversary of Professor E.V. Kuznetsov): Interuniversity collection of scientific papers. Arzamas, 2007. P. 248–252.
11. Makariy (Mirolyubov). Historical sketch of the Nizhny Novgorod Seminary // Nizhny Novgorod eparchial gazette. 1866. № 23. P. 876, 882.
12. Makariy (Mirolyubov). The history of the Nizhny Novgorod hierarchy // Monuments of Church antiquities. Nizhny Novgorod, 1999. P. 17–242.
13. Mozharovsky A.F. Nizhny Novgorod Seminary for the first period of its existence (1721–1765). Nizhny Novgorod, 1896. 141 p.
14. Tikhov A. A brief memorandum of the Nizhny Novgorod Theological Seminary. Nizhny Novgorod, 1905. 81 p.
15. Nizhny Novgorod Seminary. Milestones of history. Nizhny Novgorod, 2010. 432 p.
16. Dyakonov A.V., Plaksin V.A., Lazar (Belyanin), priestmonk. Nizhny Novgorod Theological Seminary. The first period of existence (1721–1918) // Proceedings of the Nizhny Novgorod Theological Seminary. Collection of works by teachers and students. Issue 19. N. Novgorod, 2021. P. 7–102.
17. Central Archive of the Nizhny Novgorod region (CANNR). Coll. R-1004. Aids 1. Fol. 12.
18. Keepers of documentary memory. Nizhny Novgorod Archival Service in 1919–1938. Nizhny Novgorod, 2009. 340 p.
19. CANNR. Coll. 570. Aids 553. 1748. Fol. 5.
20. Morokhin A.V. Archbishop Pitirim of Nizhny Novgorod and Alaty. A church figure of the era of change. Nizhny Novgorod, 2009. 272 p.
21. Description of documents and files stored in the archive of the Holy Governing Synod. Vol. 31. St. Petersburg, 1909. 806 p.
22. CANNR. Coll. 570. Aids 553. 1749. Fol. 41.
23. CANNR. Coll. 588. Aids 1. Fol. 1.
24. Znamensky P.V. Theological schools in Russia before the reform of 1808. Kazan, 1881. 807 p.
25. CANNR. Coll. 570. Aids 553. 1749. Fol. 30.
26. CANNR. Coll. 570. Aids 553. 1749. Fol. 542.
27. CANNR. Coll. 570. Aids 554. 1751. Fol. 1.
28. CANNR. Coll. 570. Aids 553. 1748. Fol. 29.
29. Rozanov N.P. The history of the Moscow eparchy administration since the establishment of the Holy Synod (1721–1821). Part 2. Book 1. M., 1869. 199 p.